

Акад. И. И. Толстой

ИЗ ОБЛАСТИ БОСПОРСКОЙ ОНОМАСТИКИ

Конец I в. до н. э. — начало I в. н. э. — это время жестокого напряжения внешней и внутренней обстановки на Боспоре. В истории Боспора этого времени начинает играть все более и более видную роль местное негреческое население. Скифо-сарматский мир становится одной из решающих сил и в международных отношениях всего древнего мира. Именно поэтому римские принцессы напряженно следят за военной обстановкой в Причерноморье и стремятся контролировать политику боспорских царей.

В связи с этим для исследователя истории Северного Причерноморья этого времени особый интерес приобретают вопросы этнического состава населения и этнической борьбы в Боспорском царстве. При скудости и отрывочности наших источников вполне естественно, что многие из этих вопросов остаются неясными и спорными. Так, в частности, не может считаться решенным вопрос о значении термина «аспургиане».

Далеко не достаточно исследованы и вопросы этнического состава населения Танаиса — этого своеобразнейшего полиса, который представлял собой крайний северо-восточный пункт античного мира. Вопрос об этническом составе населения Танаиса особенно важен потому, что, как справедливо отметила Т. Н. Книпович, в этом городе в I—III вв. н. э. идет борьба за власть над данной областью, и претендентами выступают, с одной стороны, представители господствующих слоев местного населения района Придонья, с другой — господствующий класс Танаиса, с третьей — правительство Боспора, желающее прочно захватить в свои руки основную им колонию¹.

*

В вопросе о значении термина «аспургиане» данные источников чрезвычайно скудны и неясны. У Страбона «аспургиане» упоминаются в связи с рассказом о гибели Полемона, сирийского грека, сына ретора Зенона Лаодикийского, бывшего римским ставленником на боспорском престоле. Это событие относится к 8 г. до н. э. Страбон сообщает: «К числу местов принадлежат и аспургиане, живущие между Фанагорией и Горгишпией, на пространстве в 500 стадиев. Напав на них под личиной дружбы, царь Полемон, чья хитрость была ими раскрыта, сам был, в свою очередь, ими обманут и умер, попав к ним в плен» (XI, 2, стр. 495). А в XII книге, рассказывая о Пифодориде, Страбон сообщает, что «Пифодорида,

¹ Т. Н. Книпович, Танаис, М.—Л., 1949, стр. 101.

ставшая женой Полемона, царствовала вместе с ним некоторое время, а после того как он скончался в местности так называемых аспургиан, варваров из числа обитателей Синдики, наследовала власть» (XII, 3, стр. 556). Итак, аспургиане — это, по Страбону, жители Прикубанья, где-то между Таманью и Анапой.

По мнению В. В. Латышева, «... соответствие имени Аспурга и народа Аспургиан заставляет нас предполагать, что Аспургиане не составляли особого народа, отличного от меотов и пришедшего извне, а были частью меотов и получили это имя оттого, что помогали Аспургу в его войне против Полемона» (Почтиж, стр. 103). Таким образом, считая аспургиан «частью меотов», Латышев в то же время усматривает в этом термине не этническое название, а политическое прозвище, исторически возникшее в обстановке прихода Аспурга к власти. Развивая мысль Латышева дальше, Ростовцев видит в аспургианах «дружину царя Аспурга, которую он вывел с собой с берегов Азовского моря или из глубины Сарматии и которая помогла ему добывать престол»; в благодарность за это Аспург «поселил ее в лучших местах Тамани, между Горгишией и Фанагорией, как свой оплот и свою гвардию»¹. Все это сплошные домыслы, в подтверждение которых Ростовцев никаких реальных фактов не приводит, за полным отсутствием таковых в действительности.

В одном отношении Латышев безусловно был прав: термин «аспургиане» определял собой не этническое, а какое-то другое понятие. Что аспургиане не составляли особого племени, доказывается содержанием царской титулатуры в тексте посвячительной надписи Менестрата на базе статуи царя Аспурга (IOSPE, II, 36): там среди племен, подчиненных Аспургу и перечисляемых в его царском титуле, названы синды, майты, таршиты и тореты, но аспургиане отсутствуют, хотя, казалось бы, в надписи, посвященной Аспургу, как на это вполне правильно указал Д. П. Каллистов, «упоминание об аспургианах, если бы таковые действительно представляли собой особое племя, было бы совершенно обязательным». Именно это и дает нам полное основание, заключает Каллистов, «утверждать, что аспургиане не этническое наименование, но термин, обозначающий политических сторонников Аспурга»².

Назвать, впрочем, это мнение общераспространенным никак нельзя: многие из советских филологов и археологов продолжают усматривать в аспургианах племя. Так, В. Ф. Гайдукевич считает аспургиан сарматским племенем, расселившимся в Синдике, между Фанагорией и Горгишией, из состава населения которого была, повидимому, скомплектована личная дружина Аспурга³. На этническом содержании термина «аспургиане» настаивает Е. С. Голубцова, отказывающаяся видеть в аспургианах личную дружину Аспурга⁴.

Таким образом, сложный вопрос о смысле названия «аспургиане» не может и по сей час считаться выясненным окончательно. Поэтому в целях дальнейшего освещения термина «аспургиане» окажется, может быть, уместным предложить на обсуждение следующие соображения.

Формальная связь названия «аспургиане» с именем Аспурга не подлежит, конечно, никакому сомнению. Но если связь названия «аспургиане» с именем Аспурга и неоспорима, то историческое происхождение этой

¹ М. И. Ростовцев, Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа, «Древности», т. XXV (1916), стр. 16 сл.

² Д. П. Каллистов, Политика Августа в Северном Причерноморье, ВДИ, 1940, № 2, стр. 71 сл.

³ В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, М.—Л., 1949, стр. 316.

⁴ Е. С. Голубцова, Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры, М., 1951, стр. 112.

связи, по существу, скрыто от нас. Если имя царя Аспурга и название коллектива, этнического или иного, «аспургиане» и восходит этимологически к одному и тому же, общему для обоих этих слов, корню, то отсюда вовсе еще не вытекает, будто между этим коллективом и боспорским царем должна была непременно существовать какая-то историческая взаимосвязь.

Если предположить, что аспургиане действительно составляли особое племя и получили свое название оттого, что помогали Аспургу в его войне против Полемона, вследствие чего и стали потом личной дружиной царя, то, во-первых, несомненно странным представится молчание на этот счет Страбона: почему он ни словом не обмолвился по поводу происхождения этого названия, когда он как раз рассказывал историю борьбы Полемона с Аспургом? Во-вторых, уже вовсе загадочным остается тогда то обстоятельство, что официальная должность «начальника аспургиан», или «заведующего аспургианами», еще двести лет спустя продолжала существовать на Боспоре, когда, казалось бы, сама память о царе Аспурге должна была уже давно поблекнуть. Наконец, нельзя не отметить также, что, сообщая историческое предание о гибели Полемона, Страбон ни в какую связь с Аспургом название «аспургиане» не ставит: он указывает только, что в результате какой-то неудавшейся ему хитрости Полемон попал в плен к «так называемым аспургианам» и там умер. Ни о какой дружине царя у Страбона нет речи, как нет речи у него и о том, будто аспургиане получили свое прозвание по Аспургу: не «названные» (*κληθέντες*, причастие аориста), а «прозываемые» (*καλούμενοι*, причастие настоящего времени) — вот выражение, употребленное Страбоном; оно позволяет предполагать, что название «аспургиане» никакого отношения к боспорскому царю Аспургу не имело и было на Боспоре в ходу еще до пленения Полемона. Конечно, слово «аспургиане» образовано от имени Аспург, но более чем вероятно, что человек, от имени которого возникло название «аспургиане», не царь Боспора, а какое-то другое, неизвестное нам лицо, основатель, быть может, какого-нибудь местного культового фиса или местного полувоенного, полуразбойничьего объединения.

Особо стоит вопрос о боспорской должности *ὁ ἐπὶ τῶν Ἀσπουργιανῶν*, или, как обычно переводят этот термин на русский язык, о «начальнике аспургиан». В. В. Латышев со всей определенностью подчеркнул, что «до времени Полемона аспургиане нигде не упоминаются», а «шотом они встречаются в надписях III в. н. э.» (*Понτικά*, стр. 103). Первая из этих надписей (IOSPE, II, 29) происходит из Пантикаея и является записью о посвящении благодарственного дара (памятного столба) Зевсу Сотеру и Гере Сотейре за победу царя Тирана и за здоровье царицы Эли, приносимого «аристопилитами», т. е. лицами, занятыми какой-то важной службой при боспорском дворе. Среди них упомянут (стк. 16) некто Фанн, сын Саклея, исполняющий обязанности хилиарха и одновременно состоящий «начальником аспургиан»¹. Необходимо, впрочем, заметить, что правильность такого именно перевода греческого термина *ὁ ἐπὶ τῶν Ἀσπουργιανῶν* уже давно поставлена под сомнение Брандисом (RE, III, 780). Тот же термин встречается и в танаисских надписях IOSPE, II, 431 и 431 bis², причем ближайшую аналогию форме этого титула, означающего заведывание чем-то и образуемого предлогом *ἐπὶ* с последующим родительным, дают такие, во множестве засвидетельствованные боспорской эпиграфикой (см. IOSPE, II, указатель) выражения, как «начальник острова» (*ὁ ἐπὶ τῆς νήσου*), «начальник двора» (*ὁ ἐπὶ τῆς*

¹ Φαννης Σακλεως, χιλιάρχης καὶ ἐπ[ι] τῶν Ἀσπουργιανῶν.

² См. Т. Н. Книпович, ук. соч., стр. 94.

ἀλλῆς), «заведующий конюшней» (ἐπὶ τοῦ ἵππωνος) (ИГАИМК, 104, стр. 60—64), «заведующий отчетами» (ὁ ἐπὶ τῶν λογῶν), «заведующий священными делами», или как это, пожалуй, правильнее переводить, «заведующий священными суммами» (ὁ ἐπὶ τῶν ἱερῶν) и др.

Следует, однако, иметь в виду, что перевод «начальник аспургиан» в тексте рассматриваемой формулы, передающей понятие должностного заведывания, быть может, и ошибочен, так как форма родительного падежа множественного τῶν Ἀσπουργιανῶν допускает двойное истолкование: либо это мужской род, либо средний, причем гораздо проще принимать ее за средний, а не за мужской. Брандис склонен был предполагать, что разбираемая нами формула означала заведывание не людьми, а местностью, названной по какому-то Аспургу «аспурговой», и что, иначе говоря, именительным к τῶν Ἀσπουργιανῶν было не οἱ Ἀσπουργιανοί, «аспургиане», а τὰ Ἀσπουργιανὰ, «аспурговья», например «Аспурговья укрепления» (τὰ Ἀσπουργιανὰ τεῖχη). Такова точка зрения Брандиса, безусловно заслуживающая серьезного внимания, хотя в русской литературе она сочувствия и не встретила: родительный Ἀσπουργιανῶν пантикапейских и танаисских надписей продолжает попрежнему осмысляться у нас как мужской род: «аспургиане, аспургиан».

Если мы попробуем теперь отдать себе отчет в речевой форме слова «аспургиане» (Ἀσπουργιανοί), то сейчас же увидим, что, во-первых, эта форма не греческая, а латинская, и что, во-вторых, она является образованием деноминативным.

Для образования прилагательных, производных от имен, служат в латинском языке два форманта: суффикс *-an-*, когда основа имени кончается на гласный звук, и суффикс *-ian-*, когда она кончается на согласный: *Sulla—Sullanus*, *prima—primanus*, *Roma—Romanus*, но *Caesar—Caesarianus*, *Nero (gen. Neronis)—Neronianus*. Те же нормы словообразования и в таких словах, как *Aspurgianus* (от *Aspurg-us*) или *Christi-anus*, «христианин, христианин» (прилагательное от *Christ-us*), «последователь Христа». *Aspurgiani* — «сторонники», или «последователи Аспурга», подобно тому, как *Pompeiani* («помпеянцы») значит «сторонники Помпея». В точной передаче на русский язык термин *Aspurgiani* значит не «гвардия» Аспурга, а скорее всего «последователи Аспурга, аспурговцы». Делаем вывод: форма Ἀσπουργιανοί (аспургиане) есть форма, образованная согласно правилам латинской грамматики — иначе говоря, для истории Боспора это форма сравнительно поздняя, периода римского влияния на Боспоре. Следовательно, племенным такое название быть не может: перед нами название социально-политического порядка¹. Кто был тот Аспург, по имени которого названа была группа его последователей или приверженцев из состава местных племен, живших на левобережной стороне Кубани или античного Антикрита, — мы сказать не можем, но, во всяком случае, имеющийся в нашем распоряжении материал не дает нам никаких оснований усматривать в нем боспорского царя Аспурга, правившего с 8 по 38 г. н. э. Думать, будто имя «Аспург» было династическим, что оно будто бы принадлежало специально царскому роду, мы опять-таки вряд ли

¹ Греческие слова на *-ian* очень редки. Наиболее известно название «фазианской» птицы, *фазана*, которая и теперь еще водится на Кавказе и название которой имеет прямую связь с названием реки Фасиса. Ксенофонт (Анаб., IV, 6, 5 и V, 6, 36) применяет выражение «фаспание» также и к людям, прибрежным жителям этой реки. У Страбона (VII, 4, стр. 309) с тем же суффиксом образовано название жителей Боспора — «боспоряне», но в классическую эпоху прилагательное, их обозначающее, дает иное, чисто греческое суффиксальное образование — «боспорин».

вправе. Такому предположению противоречили бы такие, например, эпиграфические документы, как надпись навклеров, происходящая из Горгииши, — имя «Аспург» носит один из очередных магистратов города, ведавших отдачей пошлин на откуп¹. Отсюда ясно, что имя «Аспург» носили и рядовые граждане. Да в этом и нет ничего удивительного. «Негреческие имена жителей Боспора, — правильно говорит В. Ф. Гайдукевич, — гораздо более многочисленны в римское время, чем в предшествующую эпоху, и особенно на окраине государства. Очень показательны, что почти $\frac{2}{3}$ общего числа негреческих собственных имен Танаиса могут быть объяснены, если исходить при толковании их из иранских языков. Наличие такого рода имен в боспорских городах справедливо объясняется непрерывным притоком сарматского населения, язык которого, так же как и язык алан, принадлежал к иранской языковой группе» (ук. соч., стр. 346). Определенно иранским по своей деривации является и имя Аспурга, в начальную часть которого входит древнеиранская морфема *asp*, давшая образование древнеиранскому слову *aspa*, «конь, лошадь»².

К той же группе собственных имен, бытовавших у местного населения Боспора римского времени, можно причислить и другие, встречающиеся в боспорских и танаисских надписях аналогичные имена собственные, начинающиеся на *asp*-, например Аспак (²Ἀσπᾶκος)³, Аспандан (²Ἀσπᾶνδανος)⁴ и др. В эту же группу входит, конечно, и имя Аспург, ближайшую аналогию которому, несомненно, образует и древнеберберское имя «Аспаврукий» (²Ἀσπαυρούκις), засвидетельствованное на резном сердолике работы II в. н. э. из Мдхета⁵. На сердолике изображен, бесспорно портретный, обращенный вправо профиль бородатого, пожилых лет мужчины, обрамленный круговой надписью на греческом языке: ²Ἀσπαυρούκις πιτταχίης, т. е. «Аспаврукий, питтахий» (рис. 1). Приведенный рисунок дан по снимку с оттиска; надпись в оригинале читается негативно. Значит, сердолик Аспаврукия служил последнему резной печатью.

Форма ²Ἀσπαυρούκις (Аспаврукий) дает в конечном слого такое же сокращение, какое мы постоянно встречаем на древнеберберской почве в

Рис. 1. По фотографическому снимку с оттиска

¹ См. С. А. Жебелев, ИАК, вып. 37, стр. 38: ²Ἀσποῦρ[υ]ος ---- ἐν κοιλίῳ οἴχο[υ]μος; ср. о н же, Боспорские этюды, ИГАИМФ, вып. 104, стр. 52.

² К этимологии имени «Аспург» см. В. И. Абаев, Осетинский язык и фольклор, т. I, М. — Л., 1949, стр. 157.

³ Ἀσπᾶκος Ἀσπᾶκου — IOSPE, II, 446, стр. 17 и 447, стк. 24; Т. Н. Книпович, ук. соч., № 85.

⁴ Ἀσπᾶνδανος Ἀειμάνου — IOSPE, II, 447, стк. 14; Т. Н. Книпович, ук. соч., № 51.

⁵ См. Т. С. Каухчишвили, Греческие надписи Грузии, Тбилиси, 1951 (на груз. яз.), стр. 262.

распространенных греко-римских именах типа Αυρηλιος (= Αυρηλιος), Κορνηλιος (= Κορνηλιος), Ευσεβιος (= Ευσεβιος).

Раскопки могилы Аспаврукция дали еще одну интересную параллель к именам, засвидетельствованным танаисскими надписями.

В той же могиле, в которой найден был сердолик с изображением Аспаврукция, покоился костяк, без сомнения принадлежащий самому пятияхшу. На поясной части костяка лежала драгоценная застёжка богатого пояса. Вделанная в золотую оправу, она представляет собой инталию, резанную по самоцветному камню, алмадину, и дающую, опять-таки портретное изображение профилей двух молодых людей,

Рис. 2. По фотографическому снимку с оттиска

мужчины и женщины, обращенных лицом друг к другу¹. Очень возможно, что это родители Аспаврукция. Оба портрета обрамлены надписью (рис. 2), называющей имена изображенных. При женской голове читается имя «Карпак» (Καρπак), которое, согласно мнению специалистов может значить «Formosa», «Стройная» или «Красавица». При мужской голове стоит имя Ζευαχης «Зевахис». Над обеими головами, как бы в продолжение имени Зевахиса, читается надпись «ζωή μου». Слово ζωή написано с орфографической ошибкой, не через омегу, а через омикрон. Таким образом, надпись эта значит: «Зевахис — жизнь моя». Приводимый рисунок опять-таки дан по снимку с оттиска: в оригинале имя Карпак, владелицы алмандиновой печати, читается справа налево, как это и полагается на печатях. Надпись же «Зевахис — жизнь моя», напротив, читается слева направо. Можно думать, что она вырезана была на камне позже. Зевахис и Карпак, очевидно, супруги, и надпись сделана от лица жены.

Имя Зевахис засвидетельствовано еще тремя иберийскими геммами² и одной надписью на каменной стеле³. Интересное во многих отношениях само по себе, оно позволяет, в частности, предложить другой номинатив несомненно тождественного боспорского имени, взамен того, какой дан был В. В. Латышевым в указателе собственных имен в IOSPE, II, стр. 324. Латышев имел в виду чтение танаисской надписи № 447, стк. 17: αυραρακος Ζευαχου ⁴. На основании формы патронимика он восстанавливал номинатив: Ζευακος . Теперь, после открытия мхчетского резного камня, более вероятной следует, повидимому, признать другую форму номинатива от этого имени — Ζευαχης , перекликающуюся с формой, читаемой на мхчетской гемме. Разница тут лишь та, что боспорская форма дает глухой, а мхчетская гемма аспирированный звук.

Свидетельствует ли имя Ζευαχης танаисской надписи 225 г. о прочных связях Боспора специально с античной Иберией лишь II и III вв. н.э.,

¹ См. Т. С. Каухчишвили, ук. соч., стр., 261.

² См. Т. С. Каухчишвили, ук. соч., стр. 261 и 263.

³ Там же, стр. 250.

⁴ Т. Н. Книпович, ук. соч., приложение II, № 448.

или же надлежит, что, пожалуй, более правильно, видеть здесь одно из свидетельств культурных взаимоотношений более широкого диапазона? Богатый запас морфем иранского корня мог идти на Боспор, к боспорским грекам, несомненно, не только с горных долин и высот Кавказа или с приморского Закавказья: более чем вероятно, что на языках иранской группы говорило немалое число и тех местных племен, на земле которых возникли и Танаис, и Пантикапей, и Нимфей, и прочие греческие и полугреческие города Боспора. Мне кажется, мы не должны забывать одного из основных обобщений, некогда выдвинутых С.А. Жебелевым в результате его длительных изысканий в области боспорской истории: в обществе античного Боспора мы постоянно имеем дело не только с греками, но также и с местным иноязычным населением, иной, чем греки, этнической культуры, а именно с обществом эллино-скифо-сарматским.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ